

УДК 34.01

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОЗИТИВНОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Упоров Иван Владимирович,
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Аннотация

В процессе своего развития институт права как социальный регулятор претерпевает определенные трансформации, и в эпоху Нового времени возникло противостояние между правом позитивным (государственным), и правом естественным, понятие которого возникло после слома доминирования абсолютизма как основы государственно-правовых отношений и все более активного развития в них демократической составляющей. В статье рассматриваются некоторые аспекты указанного противостояния. Отмечается, в частности, что столкновение позитивного и естественного права проявляется в разных формах, в том числе восстаниях, мятежах, революциях. Данное явление анализируется на примере восстания Пугачева в екатерининской абсолютистской России, где имевшие тогда место сословные порядки, закрепляемые позитивным правом в государственных законах, столкнулись с естественным стремлением людей к свободе, декларируемым появившимися идеями о естественном праве.

Ключевые слова: государство, позитивное право, естественное право, противостояние, личность, свобода, закон, восстание.

**CONTRASTING THE POSITIVE AND NATURAL RIGHTS: HISTORICAL
ASPECT**

Uporov I.V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

ABSTRACT

In the process of its development, the institution of law as a social regulator undergoes certain transformations, and in the era of the New Age a confrontation arose between positive (state) law and natural law, the concept of which arose after the break in the dominance of absolutism as the basis of state-legal relations and all more active development of the democratic component in them. The article examines some aspects of this confrontation. It is noted, in

particular, that the clash between positive and natural law manifests itself in various forms, including uprisings, rebellions, and revolutions. This phenomenon is analyzed using the example of Pugachev's uprising in Yekaterinin's absolutist Russia, where the class orders that existed at that time, enshrined in positive law in state laws, collided with the natural desire of people for freedom, declared by the emerging ideas of natural law.

Keywords: state, positive law, natural law, confrontation, personality, freedom, law, rebellion.

В эпоху Нового времени, как известно, начались преобразования буржуазного характера, соответственно сложились вполне определенные социальные ценности, которые в дальнейшем стали выражаться посредством естественных прав (право на жизнь, на свободу, на достоинство личности и др.). В России ситуация в этом отношении была иная, например, естественное право на свободу существенно ограничивалось нормами позитивно-крепостного права, при этом правовое положение различных категорий населения кардинальным образом отличалось. Тем самым существенно ограничивалось естественное право человека на свободу и вытекающее из него право на человеческое достоинство. Наиболее ярко это отражалось в нормах крепостного права в виде прямой купли-продажи крестьян, что являлось одним из признаков рабства. Вместе с тем, если же иметь в виду контекст рассматриваемой проблематики, данное положение уже далеко не в полной мере соответствовало балансу общественных отношений, сложившихся в России в XVIII в. Следует еще заметить, что одной из причин этого было отстранение абсолютного большинства населения в выработке норм позитивного (государственного) права в каких бы то ни было формах – такие нормы исходили от монарха и соответственно отражали интересы высших сословий. В результате между периодически и накопительно вызревали все более острые социальные конфликты, формой разрешения которых в то время стали массовые протесты населения России.

Такие выступления стали носить все более организованный характер. Наиболее крупным было восстание Е. Пугачева. Стихийно возникавшие акты протеста низших сословий против закабаления и соответствующих крайне тяжелых условий жизни нашли в лице Пугачева объединительное и организующее начало, что повлекло за собой широчайшее крестьянское движение против существующей власти. Разумеется, Пугачев вел за собой массы не под флагом борьбы за естественные права человека. Более того, его государственная идеология не выходила, как известно, за рамки абсолютной монархии (царь в России должен был остаться, но другой царь – добрый и справедливый). Однако движущей силой, во всяком случае, объявляемой Пугачевым и его соратниками народу, было стремление к улучшению жизни простых людей. В нашем случае это как раз и есть стремление обеспечить естественные права, и прежде всего право на свободу, достоинство личности, личную неприкосновенность. И в целом движение Пугачева было направлено на достижение целей, предусмотренных естественным правом и, следовательно, такое движение с данных позиций следует признать правомерным. Еще один довод в пользу такой позиции заключается в огромном числе восставшего населения, требующего перемен, и с таким людским массивом государство не считаться не может.

Однако, как мы отмечали, этот процесс носит противоречивый характер. Так, Пугачев (в его лице поддерживавшие его соратники) посягнул на государственную власть, защищаемую позитивным правом. И государство в этом случае поступало предписанным законом образом. Так, во время суда над Пугачевым применялись нормы Соборного уложения 1649 г., где, в частности, в ст. 1 гл. II указывалось: «Будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для

того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недругами учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допрама, и такова изменника по тому же казнить смертию» [7].

При этом нужно учитывать, что в то время естественное право в России прямо не закреплялось нормами позитивного права, и в государстве естественное право в связи с этим не защищалось (в полной мере это стало осуществляться лишь начиная с Конституции России 1993 г.). Соответственно практическое значение могло иметь исключительно право позитивное. На стороне этого права была вся мощь принудительных государственных органов, которая в итоге оказалась сильнее народного движения. Исходя из этого, Пугачев и многочисленные его соратники были объявлены преступниками, осуждены и казнены. Соответственно, вполне закономерно, что позитивное право взяло верх над правом естественным. Парадокс ситуации заключается в том, что к государству никаких претензий быть не должно, поскольку оно обязано было исполнять действующие законы. Пугачев совершил государственное преступление, и за одно только это деяние должен был быть казнен. Помимо этого, как известно, пугачевщина была сопряжена с бесчисленным множеством так называемых общеуголовных преступлений (убийства, разбои, грабежи, изнасилования, поджоги, уничтожение имущества и др.), что само по себе представляет основание для суровых уголовных репрессий лиц, их совершавших.

С этой точки зрения Пугачева и его сподвижников на законном основании можно считать заурядными разбойниками. И преимущественно таковым Пугачев, собственно, и представлялся в дореволюционной России. Во всяком случае, в исторической, учебной и научной литературе имя Пугачева сопрягалось обычно с такими понятиями, как «мятеж», «шайка», «разбойник» и др. [5, с. 705]. Даже начальное название работы Пушкина «История Пугачева» было негативно воспринято российским императором, поскольку в нем усматривалось признание за Пугачевым неких исторических заслуг, и он разрешил публикацию только с условием замены названия на другое – «История Пугачевского бунта» [8]. А с другой стороны, как указывалось, Пугачев объективно выражал стремление огромного количества людей реализовать свои естественные права. Данное обстоятельство определенным образом оправдывает пугачевщину, причем, конечно же, с позиций более позднего времени, когда естественные права сформировались как признанный институт. Не случайно в советский период Пугачев неизменно считался народным героем, его именем названы улицы практически в каждом городе нашей страны, а в Саратовской области есть и город Пугачев. И в настоящее время россияне в большинстве своем по-прежнему склонны считать Пугачева народным заступником. Правда, оценки последних лет в исторической литературе более умеренные.

Так, в учебном издании, рекомендованном Министерством образования России, лишь констатируются события, объединенные понятием «крестьянской войны Пугачева», без каких-либо оценок, хотя косвенно проглядывается все же симпатия к Пугачеву. Это проявляется в том, что ставятся в один ряд крестьянская война Пугачева и Французская буржуазная революция [3, с. 137]. В другом издании, также предназначенном для старшеклассников, пугачевское движение характеризуется как «выступление народа против феодального гнета» и ничего не говорится, как и в предыдущем случае, о том, что восставшие нарушали действующие тогда законы [10, с. 43]. Как видно, столкновение естественного и позитивного права в данном случае не позволяет однозначно оценить действия Пугачева со товарищи. Правовое противоречие дополняется и противоречием личностей. Для подавления бунта Пугачева-преступника, как известно, посылались войска под командованием нашего легендарного полководца Суворова, и получалось, что один

народный герой бился насмерть с другим народным героем. Драматичность ситуации, если не сказать трагичность, налицо. Не меньшая драматичность и в отношениях Пугачева и Екатерины II. Императрица являет собой государственного деятеля, внесшего на ниву российской общественности многие либеральные идеи (например, в ее известном «Наказе»), где она повторяет многие мысли знаменитых мыслителей-либералов Монтескье и Беккариа, которыми восхищалась (вместе с тем Екатерина II с негодованием встретила известие о французской революции, что свидетельствует о противоречивости ее личности [1, с. 234]).

В частности, в «Наказе», написанном задолго до вынесения приговора Пугачеву, императрица подчеркивала (ст. 210), что смертная казнь возможна только в одном случае – когда гражданин, будучи лишен свободы, «имеет тем не менее средства и власть, могущие возмутить народное спокойствие» [6]. На деле же, в случае с Пугачевым, это положение не сработало, поскольку Пугачев «возмушал», не будучи лишенным свободы. Правда, официально «Наказ», как известно, не являлся законом прямого действия, в уголовно-правовой сфере действовали иные нормы, и прежде всего нормы Соборного уложения. Вместе с тем Екатерина II была законодателем, и при желании могла, конечно же, своей волей, а значит волей государства, изменить законы. Этого не произошло. И получается, что просвещенная императрица санкционировала смертную казнь Пугачеву – тогда преступнику, а позже народному герою. Как видно, на определенном этапе позитивное право входит в непримиримое противоречие с правом естественным, и разрешать это противоречие тогда, при переходе от феодального государства к буржуазному, удавалось лишь путем насилия.

Для достижения естественных прав в тот период нередко приходилось идти преступным (в соответствии с действующими тогда законами) путем, ибо иначе позитивное право не позволяло изменять самое себя. Следует заметить, что данное явление еще не стало предметом специальных исследований, однако в отечественной литературе вопросы, связанные с ним, уже поднимаются. Так, Ю.И. Гревцовым указанное явление характеризуется как «патология права». При этом отмечается, что при определенных обстоятельствах «правонарушения, включая преступность, могут быть и бывают нормальным социальным фактом» [2, с. 212]. При этом, правда, делается оговорка о том, что эти рассуждения по данному вопросу носят постановочный характер, поскольку выводы могут показаться слишком неожиданными, а также отмечается, что для того, «чтобы согласиться с такой оценкой правонарушения, необходимы немалые силы ума, с тем чтобы освободиться от традиционных представлений на этот счет. Этому может способствовать понимание того, что такая роль характерна не для всех противоправных отклонений. Кроме того, положительный эффект преступности проявляется в перспективе» [2, с. 212]. Далее приводится пример с Сократом, который, согласно афинскому праву, был преступником, и его осуждение было правомерным, однако его преступление, а именно непозволительная самостоятельность мысли, оказалось полезным не только для его родины, но и для человечества в целом; оно служило подготовке новой нравственности и новой веры, в которых нуждались тогда Афины, потому что традиции, которыми жили до сих пор, не отвечали новым условиям [4, с. 467].

Такого рода примеры являются аргументами для подтверждения гипотезы об общественной полезности некоторых деяний, которые с позиции позитивного права на определенном этапе исторического развития могут расцениваться как преступные. Возьмем для анализа этой гипотезы тот же пример – движение Пугачева. К нему, как указывалось, присоединилось огромное количество населения, испытывавшего недовольство существующим положением вещей. В определенные периоды пугачевское войско достигало одновременно 20 тысяч человек – так было, например, на втором этапе

восстания в 1774 г., после соединения армии Пугачева с отрядами Салавата Юлаева – тоже, кстати, народного героя, и прежде всего Башкирии (по другим данным, численность участников крестьянского движения доходила до ста тысяч. Здесь же следует подчеркнуть прямую зависимость числа восставших от степени эксплуатации крепостных крестьян – во второй половине XVIII в. она достигает наивысшей отметки. Зададимся вопросом: входили ли в армию Пугачева заведомые преступники, те есть, опасные для общества люди? Ответ однозначен – нет. Это были в абсолютном своем большинстве простые жители низших сословий, причем представлявшие различные категории населения – крестьян (они, как известно, преобладали), рабочих уральских заводов, казаков – тех категорий населения, которые составляли большинство российского общества того времени; другими словами, они сами представляли собой общество. С позиций современного понимания естественного права именно их интересы должно было отражать позитивное право.

На деле же было наоборот: позитивное право, в силу исторических особенностей развития человеческого сообщества, закрепляло интересы прежде всего меньшинства, а именно правящего сословия, что ущемляло естественные права большинства населения. И такое ущемление становилось движущей протестов. Мирным путем в тех обстоятельствах добиться улучшения низшие сословия не могли, поскольку тому не позволяли запреты, выраженные в нормах позитивного права, не было в России и легальных оппозиционных движений. Более того, эти запреты породили эффект взрыва парового котла, когда накапливающийся пар был доведен до давления, которого не выдерживают стенки котла, – в нашем случае это терпение людей. На определенном этапе терпение лопнуло, и основательно, масштабно, несравнимо с предшествующими локальными прорывами. К протесту против невыносимых условий жизни прибавились элементы социальной мести – против тех, кто олицетворял виновников людских страданий (это были любые представители высших сословий). Добавим сюда низкий уровень образования и культуры крестьян и рабочих.

Все это привело к тому, что протест принял во многом жестокие и уродливые формы, и прежде всего речь идет о совершении так называемых общеуголовных преступлений. И получилось следующее. С точки зрения естественного права протест низших сословий был оправдан. С точки зрения позитивного права протест оправдать нельзя, ибо нарушались действующие законы, и обществу действительно причинялся вред, как и любым другим преступлением. В целом же движение пугачевцев для будущего России имели все же положительное значение, поскольку заставили самодержавие предпринимать впоследствии более активные меры, направленные, в конечном итоге, на полное освобождение крестьян от крепостной зависимости. Хотя, разумеется, назвать это явление нормальным невозможно.

Здесь действительно имеет место определенная патология права, когда обе противостоящие стороны (в нашем случае государство и массы протестующих) одновременно были по-своему и правы, и не правы. Государство исполняло свою обязанность по наведению в обществе порядка, основанного на действующих законах, то есть, на нормах позитивного права, а массы протестующих добивались обеспечения своих естественных прав, не имея возможности сделать это легально, поскольку не позволял характер законов того времени. Данная коллизия естественного и позитивного права не имеет, как представляется, какого-либо оптимального решения, она в немалой степени тупиковая, и в этом особенность противоречия, характеризуемого патологией права. Именно из-за такой патологии, достигшей в данном конкретном случае крайнего проявления, были созданы общественно-политические и соответственно правовые условия для совершения деяний, в совокупности направленных на благие цели. Как писал Е.Н. Трубецкой, если действующее позитивное право не соответствует требованиям добра и

находится в полном с ним противоречии, то естественное право звучит как призыв к усовершенствованию и играет роль движущего начала в истории, является необходимым условием всякого прогресса, развития права [9, с. 73]. История показала, что такое «усовершенствование» на определенных этапах развития общества может сопровождаться весьма бурными и драматическими событиями, которые в рассмотренный период истории принимали форму массовых протестных движений, сопровождавшихся масштабными разрушениями; и чтобы такого не повторялось, следует извлекать уроки из закономерностей взаимодействия естественного и позитивного права.

Список литературы:

1. Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. 387 с.
2. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб.: Знание, 1996. 263 с.
3. Данилов А.А. История России IX–XIX вв. / Справ. материалы. М.: Владос, 1998. 429 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Перев. В.В. Сапова. М.: Наука, 1991. 572 с.
5. Платонов С.В. Лекции по русской истории. М.: Астрель, 2006. 703 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1842. Т. VIII.
7. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1990. 448 с.
8. Судаков Г. Чем Александр Сергеевич матери-истории ценен // Рос. газ. 1999. 5 июня.
9. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М.: Типогр. А.А. Левенсона, 1908. 224 с.
10. Яковер Л.Б. Справочник по истории Отечества. М.: Сфера, 1996. 142с.

References:

1. Viktorsky S.N. History of the death penalty in Russia and its current state. M.: Type. Moscow University, 1912. 387 p.
2. Grevtsov Yu.I. Essays on the theory and sociology of law. St. Petersburg: Znanie, 1996. 263 p.
3. Danilov A.A. History of Russia IX–XIX centuries. / Reference materials. M.: Vlados, 1998. 429 p.
4. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology / Transl. V.V. Sapova. M.: Nauka, 1991. 572 p.
5. Platonov S.V. Lectures on Russian history. M.: Astrel, 2006. 703 p.
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1842. T. VIII.
7. Council Code of 1649. Text and comments / Ed. A.G. Mankova. L.: Nauka, 1990. 448 p.
8. Sudakov G. Why Alexander Sergeevich is valuable to mother history // Ross. gas. 1999. June 5.
9. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law. M.: Typogr. A.A. Levenson, 1908. 224 p.
10. Yakover L.B. Handbook on the history of the Fatherland. M.: Sfera, 1996. 142 p.